

УДК 811.161.1'1

Е. Н. Стаценко

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРИБАУТКИ «СОРОКА КАШУ ВАРИЛА»

О. М. СТАЦЕНКО. ЛИНГВОКОГНИТИВНИЙ АНАЛІЗ ПРИМОВКИ «СОРОКА КАШУ ВАРИЛА».

Статтю присвячено дослідженню вербалізації первинної адаптивної біологічної потреби дитини в їжі, поряд з соціальним ототожненням її в навколишньому середовищі на прикладі малого жанру усної народної творчості – примовки «Сорока кашу варила» у всьому різноманітті її варіантів. Розглянуто і піддано мовному аналізу найбільш поширені варіації примовки. Доведено, що у фольклорному феномені примовки «Сорока кашу варила» і в образі самої сороки відображений побут давніх слов'ян і їх культура, прагнення матері в ігровій формі адаптувати і соціалізувати дитину.

Ключові слова: примовка, адаптація і соціалізація, біологічна потреба, когнітивний аналіз, мовна гра, прецедентність.

Е. Н. СТАЦЕНКО. ЛИНГВОКОГНИТИВНИЙ АНАЛИЗ ПРИБАУТКИ «СОРОКА КАШУ ВАРИЛА».

Статья посвящена исследованию вербализации первичной адаптивной биологической потребности ребёнка в еде на примере малого жанра устного народного творчества – прибаутки «Сорока кашу варила» во всем многообразии её вариантов. Рассмотрены и подвергнуты языковому анализу наиболее распространённые варианты прибаутки. Доказано, что в фольклорном феномене прибаутки «Сорока кашу варила» и в образе самой сороки отражен быт древних славян и их культура, стремление матери в игровой форме адаптировать и социализировать ребенка.

Ключевые слова: прибаутка, адаптация и социализация, биологическая потребность, когнитивный анализ, языковая игра, прецедентность.

O. M. STACENKO. LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS OF THE JOKE "A MAGPIE COOKED THE PORRIDGE").

The article is devoted to the study of verbalization of the primary adaptive biological children need in food, along with their social identification in the surrounding world, on the example of a small genre of oral folk art - the joke "A Magpie Cooked the Porridge" in all the diversity of its variants.

The most common varieties of the aforementioned joke are examined and subjected to a language analysis. It is well known that for the child's favorable adaptation in the socium, cultural and linguistic sphere, since the times of antiquity, such genres of folk art as fairy tales, epics, songs, pestles, jokes, proverbs and sayings have been used. In folklore in picturesque images, various aspects of people's life are reflected, allowing to unite generations of people into the living chain for many centuries. It is for this that such folk creations are valuable to us, which were passed from mouth to mouth and were familiar from early childhood.

The relevance lies in need to fill in the inadequacy of language games studding, in particular folklore jokes, in the light of modern cognitive trends. It is proved that in the folkloric phenomenon of the joke "A Magpie Cooked the Porridge" and in the image of the Magpie itself reflects the life of the ancient Slavs and their culture, mother's desire in a playful form to adapt and socialize a child.

Keywords: gain, adaptation and socialization, biological need, cognitive analysis, language game, precedence.

© Е.Н. Стаценко, 2018

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1493615>

Общеизвестно, что для благоприятной адаптации ребенка в социуме, культурологической и языковой сфере со времен древности использовались такие жанры народного творчества, как сказки, былины, песни, пестушки, прибаутки, пословицы и поговорки. В фольклоре в колоритных образах отражены различные стороны жизни народа, позволяющие соединить в живую цепь поколения людей в течение многих веков. Именно этим ценны для нас такие народные творения, которые передавались из уст в уста и были знакомы с раннего детства.

Мировосприятие, представления об окружающем мире и его понимание, культурные традиции, глубинная народная мудрость и многое другое, что заложено в народных произведениях, представляет необычайную ценность для адаптации и последующего развития такого социального феномена, как ребенок с присущими ему биологическими потребностями. Наряду с коммуникативными и тактильными потребностями, на первый план в развитии ребенка выдвигается физиологическая потребность в еде и овладение навыками бытовой культуры.

Целью статьи является когнитивный аспект изучения вербализации первичной адаптивной биологической потребности ребёнка в еде, наряду с социальным отождествлением его в окружающем мире, на примере малого жанра устного народного творчества – прибаутки «Сорока кашу варила» во всем многообразии её вариантов.

Актуальность состоит в необходимости восполнить недостаточность исследований языковых игр, в частности прибауток, в свете современных когнитивных теорий.

С древнейших времен матери использовали такие виды народного творчества, как пестушки, потешки, прибаутки, колыбельные песни, с момента появления ребенка на свет, сопровождая ими дальнейшее развитие и восприятие ребенком окружающего мира. А. Н. Толстой говорит об этих жанрах народного творчества: «Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов» (Цит. по [1, с. 1]).

Исследуя этимологическую природу слова прибаутка, заметим, что оно, как уже отмечали лингвисты, образовано «приставочным способом от слова баутка и имеет то же значение, что и байка. Оба слова восходят к баяти – “говорить”, относятся к общеславянской лексике и образованы от бай – “говорун” [4, с. 319]. Глагол баить упоминается в словаре В. И. Даля: говорить, болтать, беседовать, рассказывать, толковать. Слово потешить В. И. Даль награждает синонимами: угождать, занимать, забавлять, веселить [3, с. 339]. С. И. Ожегов дает следующее определение приведенной выше дефиниции: «Забавная, остроумная, обычно рифмованная поговорка, вставляемая в речь» [5, с. 887]. И представляет примеры употребления в речи: Пересыпать речь прибаутками. С шутками и прибаутками.

Общение посредством прибаутки с маленькими детьми позволяет взрослым с помощью звуков, мелодичности голоса наладить взаимный контакт. Распевное их звучание развивает внимание, обостряет слух. Это отвлекает младенца от его детских проблем, знакомит с природой, животным миром, игрушками, предметами быта. Одновременное поглаживание и прикосновение к головке, ручкам, ножкам с упоминанием в стихах этих частей тела обучают младенца. Знакомить маленького человека с окружающим миром взрослые начинают с изучения лица, строения тела. Фольклор, который передается от старшего поколения к младшему, богат и ценен, так как отображает многообразие ситуаций из жизни ребенка. Смысловые прибаутки служат для этих целей и прекрасно справляются с обязанностями обучения. Движения и жесты помогают ребенку понять слово, его значение и применение. Иными словами, прибаутка выполняет функции реализации адаптивной потребности ребенка в познании окружающего мира. В игровой форме происходит адаптация к жизни.

О неразрывной связи между игрой, языком и культурой пишет С. Л. Попов в статье «Языковая игра в свете концепций Й. Хёйзинги и Л. Витгенштейна (на материале русского языка)». Основывая свои утверждения на исследованиях Й. Хёйзинги, языковед приходит к выводу, что «игра не просто предшествует культуре, т. е., по сути, досталась человеку от его животного состояния «по наследству», – игра пронизывает культуру как суть последней, что уже само по себе заставляет предположить, что, как часть культуры, игрой пронизан и язык» [6, с. 47].

О природе появления первичных номинаций Й. Хейзинга отмечал следующее: «Наиболее заметные первоначальные проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою. Возьмем язык, это первейшее и высшее орудие, которое человек формирует, чтобы иметь возможность сообщать, обучать, править. Язык, посредством которого человек различает, определяет, устанавливает, короче говоря, именуется, то есть возвышает вещи до сферы духа. Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов. Так человечество всё снова и снова творит свое выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы» [8, с. 26]. Нетрудно убедиться в том, что упомянутое ученым «именование» служит синонимом номинации, и концептуально важным является то, что сам процесс такой языковой номинации Й. Хейзинга считает игровым по своей сути. Продолжая изучение трудов Й. Хейзинги, С. Л. Попов приходит к заключению о том, что «творением вымышленного мира рядом с миром природы» является игра слов [6, с. 48].

Также весьма убедительным для нашего исследования является и представление понятия языковой игры Л. Витгенштейном: «весь процесс употребления слов в языке <...> можно представить в качестве одной из тех игр, с помощью которых дети овладевают родным языком. Я буду называть эти игры «языковыми играми...» (Цит. по С. Л. Попов [6, с. 48]).

Обратимся к наиболее употребляемому варианту прибаутки «Сорока кашу варила». То, что это одно из наиболее распространенных и излюбленных произведений народного творчества, подтверждает наличие различных импровизаций. Приведем некоторые из них с описанием производимых действий:

Берут у ребёнка ручку и водят по ладошке указательным пальцем и приговаривают:

Сорока, сорока,

Сорока-белобока

Кашку варила,

На порог скакала,

Гостей созывала.

Гости не бывали,

Кашки не едали.

Всё своим деткам отдала.

Указывая на каждый палец руки, начиная с большого, приговаривают:

Этому дала на блюдечке,

Этому на тарелочке,

Этому на ложечке,

Этому поскрёбышки.

Останавливаясь на мизинце, добавляют:

А этому нет ничего.

А ты мал малёнок:

За водицей не ходил,

Дров не носил,

Кашки не варил.

Разводя ручки в стороны и затем быстро положив на головку, говорят:

Шу-у-у, полетели –

На головушку сели. [1, с. 5].

Естественно, что маленький человек воображает, что это один из детей за столом, который накрыла Сорока для обеда. А между тем прибаутка непроста, она уже имеет воспитательную направленность: не сделал дела – не получишь и еды. Таким образом, ребёнок получает первый жизненный урок, усваивает, что еда – не только одна из важнейших потребностей человека, но и возможность реализовать свои потенции в жизни.

И сколько бы ни было интерпретаций данной прибаутки, каждый контекст связан с приготовлением именно каши, которая считается исконно русской едой, а затем уже и с описанием кормления, и такая последовательность остается неизменной. Проследим это на примерах:

Сорока - белобока

Кашку варила,

Ребяток кормила:

Первому дала,

*Второму дала,
Третьему дала,
И четвертому дала,
А пятому не дала:
Жирный, толстый, ленивый,
За водой не ходил,
Дров не рубил,
Не будет тебе каши!*

В данном варианте прибаутки ребенку изначально демонстрируется одна из основных адаптивных потребностей человека – еда. Делается акцент на приготовлении каши, и только затем предлагается ещё одна функция – запоминание первых пяти цифр счета. К тому же, в ней содержится и подробное пояснение причины отказа в еде: «*Жирный, толстый, ленивый, За водой не ходил, Дров не рубил, Не будет тебе каши!*»

Следующий вариант прибаутки «Сорока кашу варила» позволяет малышам не только тренировать мелкую моторику рук, но и запомнить названия пальцев на руке. Но после того, как внимание ребенка направлено на то, что еда приготовлена, повторы в тексте прибаутки постоянно возвращают ребенка к сваренной каше:

*Сорока-ворона
Кашку варила,
Деток кормила и говорила:
Этот пальчик большой – воду носил,
Этот пальчик указательный – дрова колот,
Этот пальчик средний – печку топил,
Этот пальчик безымянный – кашу варил.
А этот – мизинчик – за водой не ходил,
Дров не колот, печку не топил, кашу не варил.
Ты кашу и не получишь!*

Нижепредставленный вариант очень похож на «классический», но в нем вводятся элементы прямой речи, как бы побуждая ребенка задуматься над ответом:

*Сорока-ворона
Кашу варила,
Детей кормила,
Этому дала,
Этому дала,
– А ты где был?
Дров не рубил,
Печку не топил,
Кашу не варил,
Позже всех приходил.*

В следующем варианте потешки «Сорока кашу варила» вводится новый персонаж «гости». Но они не приходят, и только поэтому несъеденное ими достается деткам:

*Сорока-ворона
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости не бывали,
Каши не едали,
Всю свою кашу
Сорока-ворона
Деткам отдала.
Этому дала, этому дала,
Этому дала, этому дала,
А этому не дала:
– Зачем дров не пилил!
Зачем воду не носил!*

В следующих двух вариантах речь о детях уже вообще не идет. Их заменяют гости:
Сорока-ворона,

*Куда летала?
— Гостей скликала,
Каши им давала.
Кашка масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Нос трясется,
Душа радуется.*

*Сорока-сорока,
Бело-белобока,
Кашку варила,
Гостей манила,
Гости во двор – **кашку на стол.**
Гости со двора – **и кашка со стола.***

В заключение представляем довольно насыщенный образами и смысловой нагрузкой вариант прибаутки «Сорока кашу варила»:

*Сорока, сорока,
На порог скакала,
Гостей поджидала:
Не приедут ли гости,
Не съедят ли кашку?
Приехала Агашка,
Всю съела кашку.
Этому дала на тарелочке,
Этому на ложечке,
Этому на мутовочке,
Этому весь горшочек,
Пальчику-мальчику
Не досталось.
Пальчик-мальчик
Толчет, мелет.
По воду ходит,
Квашню творит:
Вода на болоте,
Мука не молота.
Квашенка на лице,
Мутовка на сосне.
Взял коробичку,
Пошел по водичку.
Тут ступил – тепленько,
Тут – горяченько,
Тут пень да колода,
Тут белая береза,
А тут ключики кипят-кипят.*

Несмотря на достаточно большое количество вариантов прибаутки «Сорока кашу варила», легко заметить, что все они имеют общие языковые элементы. Такой стилистический прием, как повтор, используется для реализации мелодичности, подчеркивания каких-либо деталей в описании, создания более яркой, экспрессивной окраски. Более того, повторы распределяются по тексту, подчиняясь строгой закономерности и накапливаются в наиболее важных в смысловом отношении текстовых участках: в начале сорока-белобока, сорока-ворона, сорока-быстрокрыла, **кашу варила**, и в конце прибаутки: этому дала, здесь, тут. Таким образом, мы можем наблюдать еще один прием – подчинение. И он прослеживается здесь отнюдь не случайно, так как начало и конец являются наиболее важными, несущими смысловую нагрузку, частями народного произведения.

Прием накопления языковых и контекстуальных синонимов также является характерным для прибаутки: *жирный, толстый, ленивый; скликала, созывала, манила; тепленько, горяченько; варила, творила; толчет, мелет.*

Также общим для вышеперечисленных вариантов прибаутки является использование исконно русской лексики, связанных с национальным бытом, культурой: *каша, печь, дрова, порог, скликала, манила.* Для данного жанра народного творчества характерно явление лакунарности, как лингвистического, так и этнографического типа: *мутовочка, квашня, колода, ключики, белобока, быстрокрыла, лапти, палати.*

Абсолютно универсальным для всех вариантов прибаутки является использование суффиксов-модификатов, которые придают текстам просторечно-фамильярный и народнопоэтический характер. К примеру, суффикс -к- (*печка, кашка, крошка*), а также -ушк-, -ышк- (*бабушка, поскребушки, головушку, поскребышки*). Особенно богаты стилистическими возможностями суффиксы, придающие словам уменьшительно-ласкательный оттенок: -ек- (*маленок*), -еньк- (*тепленький, горяченький, холодненький*), -ечк-, -очк-, -ичк- (*ложечка, тарелочка, блюдечко, горшочек, мутовочка, коробичка, водичка*).

Исследуя такой феномен народного творчества, как прибаутка, мы приходим к выводу, что каждая её интерпретация включает в себе различные дополнительные цели: то ли подчеркнуть важность труда, то ли ознакомить с основами счета и названиями пальцев, но основная, глобальная задача этого жанра народного творчества – это адаптировать нового члена общества в социуме и в игровой форме преподнести первые уроки жизни, привить бытовую культуру (есть ложкой, например) и развить бытовые навыки.

Интересным представляется тот факт, что прибаутка «Сорока кашу варила» перешла в разряд прецедентных текстов. Так, А. Н. Толстой издает сборник народных детских сказок и неспроста называет его «Сорочьи сказки», в который входит сказка о Сороке в несколько непривычной для читателя интерпретации, где изначально автор также применяет адекватив белобока: «*Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники. Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить*» [7, с. 2]. Но затем **сорока съедает слишком много** пряников и становится голобока: «*И с боли да с тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока – голобока. От жадности*» [7, с. 2]. М. Е. Салтыков-Щедрин использует данный образ для создания сарказма: «**Читать лекцию о том, как «сорока кашу варила».**

Таким образом, структура и языковые средства прибаутки «Сорока кашу варила» соответствуют задаче этого фольклорного произведения, ориентированного на адаптацию и социализацию детей посредством игры. Анализ лингвистического материала демонстрирует истоки обрядовых традиций славянского народа, стремление матери в игровой форме показать, что изначальная потребность человека еда – это и труд матери, и труд детей. В фольклорной прибаутке «Сорока кашу варила» и в образе самой сороки отражен быт древних славян и их культура. Такой пример малого фольклорного жанра был призван выполнять важные культурные, развивающие, эстетические функции, пробуждать стремление познать мироздание, дать ребенку возможность осознать себя как его часть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Русский фольклор. Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и присловья. Москва, 1985. С. 1-5.
2. Болтали две сороки. Русские народные сказки, песенки, потешки. ДЕГГИЗ, 2012. 2018 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Москва, 1991. 683 с.
4. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. Москва, 2005. 432 с.
5. Ожегов С. И.; Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 2006. 944 с.
6. Попов С. Л. Языковая игра в свете концепций Й. Хёйзинги и Л. Витгенштейна (на материале русского языка). Одеський лінгвістичний вісник. № 10. Т. 2, 2017. С. 47-49.
7. Толстой А. Н. Сорочьи сказки. ВерхнеВолжское книжное издательство, 1976.
8. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. Сильвестров. Коммент., указатель Д. Харитоновича. СПб. Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.